

**Здравствуйте,
дорогие потомки!**

Июлда (Анастасия Каляндра)

Ivolga (Анастасия Каляндра)

Здравствуйте, дорогие потомки!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70307881

SelfPub; 2024

Аннотация

Маленький Валя взялся за очень важное дело – передать будущим поколениям немного сведений о своей юной жизни. Он записывает в свой первый дневник подробности этой жизни, стараясь передать их как можно более досконально и правдиво. Ведь для дорогих потомков обязательно нужно сохранить всю самую важную и ценную информацию о ней! Как, например, то, что ты кушал на завтрак. Ведь это ещё как ценно и важно! Вместе с маленьким Валею читатель сможет погрузиться в мир детства и первых открытий, мир самых что ни на есть серьёзных переживаний – таких смешных и наивных для постороннего наблюдателя, но таких жизненно важных для самого юного биографа. Первая чистая любовь, первые суровые будни за школьной партой, первые новые чувства и эмоции – всё это ждёт читателей в первой книжке из серии историй про Валу. Погрузиться в наивный мир детских мыслей? Посмеяться от души и улыбнуться, вспомнив что-нибудь схожее с судьбой героя в

собственной жизни? Всё это можно сделать, раскрыв страницы истории Вали.

Ivolga (Анастасия Каляндра)

Здравствуйте, дорогие потомки!

Здравствуйте, дорогие потомки!

Меня зовут Валентин. Мне шесть с половиной лет. Мой рост метр и десять сантиметров, и я человек.

Я начинаю писать этот дневник, от того, что тётя Таня мне подарила тетрадь два года назад, но я тогда ещё не умел писать. Но я очень хотел. И тетрадь была вся очень, очень красивая – рыжая и в белую крапинку. И я, тогда, стал в ней писать просто, линиями – чертил много, много линий во всю страницу – таких, волнистых, как будто бы это такие строчки, со словами... И радовался, что так много страниц очень быстро написал. А потом показал маме и думал, что она тоже сейчас будет радоваться. Но она не стала. И забрала у меня тетрадь. Потому что считала, что я порчу бумагу. Но теперь я уже занимаюсь в прописях и скоро даже пойду в школу. Поэтому мама мне достала тетрадь и сказала, что теперь я могу вести свой дневник. А я спросил – зачем?.. А мама сказала, что возможно моим потомкам будет потом интересно почитать, как я жил. И что со мной было, и что происходи-

ло. Поэтому я и пишу. Я пока не придумал ещё, что точно писать, но я уже написал очень красиво на обложке: "Дневник". И про это похвастался маме. А она похвалила меня и исправила мне И на Е.

Дневник.

Дорогие потомки! Если вы хотите узнать, как я жил, то читайте только этот источник. Всё другие мои биографы могли быть не точны.

11 июня.

Сегодня утром, 11 июня, я проснулся.

Я позавтракал кашей и жареным хлебом с чесночком. Потом мы с мамой пошли на площадку. Я семь раз скатился с горки и мы ушли в магазин. Там мы купили кефир, хлеб, картошку и мне чупа-чупс. Потом мы зашли домой. Оставили дома продукты, а я ещё зашёл в туалет. Потом мы снова пошли гулять, но на этот раз – в парк. Я ещё взял самокат. Сегодня я с него не упал. А вечером с работы домой придёт папа.

12 июня.

Здравствуйте, дорогие потомки!

Сегодня я проснулся. Я поел яичницу и котлеты. И стал смотреть мультики, потому что на улице дождь. Я посмотрел

три мультика про собачек и два – про маленьких человечков. И ещё около пятнадцати раз – рекламу. Реклама была разная. И про котлеты, и про пельмени, и про банки, и про шампунь. Особенно хорошая – про пельмени. Потом я сел писать прописи. А мама делала себе маску – мою любимую, с огуречными глазами. В ней мама очень красивая и не видит, когда я отвлекаюсь от прописи и глазею в окно.

13 июня.

Сегодня я проснулся. Мы покушали с мамой свежих котлет, а папа был ещё на работе. Поэтому он с нами не кушал. Я поиграл с трансформером. Я очень люблю трансформеров – потому что они страшные и даже страшнее меня. Мне это на руку. У меня есть шесть трансформеров, дорогие потомки! Один красный, два синих, жёлтый и зелёный, а последний – он мотоцикл. А ещё у меня есть кубики, конструктор, мишка и крокодил. Есть пропеллер, но он постоянно теряется. И папа мне его потом находит за диваном. Есть игрушка – лошадь, собака, которую можно завести и пустить по комнате, цыпленок и нет машинки на радиоуправлении. Но скоро будет. Может быть. А когда вырасту и стану работать – то даже две.

14 июня.

Дорогие потомки!

Сегодня я проснулся и показал маме начало своего днев-

ника. (После того, как покушал.) И мама сказала, что мне не обязательно писать каждый раз про то, как я проснулся и покушал. Что это лишнее. Мама говорит, что мне лучше записывать здесь знаменательные события – где я в интересных местах я был и что интересного видел. Сегодня был дома, потому что дождь, и видел мультики. И рекламу тоже. Но про пельмени как раз не показывали.

15 июня.

Дорогие потомки!

Сегодня, когда мы шли с концерта, мне купили манговое мороженое, которое я давно хотел попробовать. Но оно хуже клубничного.

16 июня.

Сегодня, когда я шёл с мамой из зоопарка, я увидел майского жука на листе у обочины. Он очень красиво переливается! И очень здорово, что он ещё есть и так мне нашёлся в июне. Хотя он и майский.

17 июня.

Сегодня мне купили трансформера, который может включаться и мигать глазами. Потому что я хорошо себя вёл на Дне рождения у Вадика и даже почти не бегал и не кричал. И даже аниматор в костюме Бэтмена почти что меня там не заметил.

21 июня.

Дорогие потомки!

Я забыл писать в дневник. Но я сегодня очень хорошо смог в прописи обвести букву "Р"! (Теперь буду писать и про достижения.) Зато я её всё никак не могу проговорить – это наверное от того, что мне вырывали зуб и делали снимок. Это было вчера. А рентген – он плохо влияет. Это мама мне рассказывала, чтобы я не вертелся, когда снимают. Но я всё равно немного вертелся очень сильно и теперь жду – когда же я от того, наверное, умру. Но я уже успел покушать сегодня два раза и ещё вчера вечером, когда заморозка прошла. Так что пока что я живой.

3 августа.

Дорогие потомки!

Я совсем забыл писать в дневник!

4 августа.

Я был на даче, поэтому не писал.

7 августа.

Дорогие потомки!

Сегодня у папы был выходной и мы все проснулись и все вместе покушали! А по телевизору показали фильм, где девочка писала в дневник все свои обиды и проблемы и даже

всё, что её тревожит в глубине души. Я тоже. Буду. Летом, когда я был на даче – я отравился невымытой редиской с огорода. И у меня болел живот. Это меня тоже тревожило в глубине души.

8 августа.

Здравствуйте, дорогие потомки!

Я вспомнил, что ещё меня тревожит. Когда мы с мамой пошли в магазин на день защиты детей, и она спросила меня – чего бы я хотел, и я сказал, что не знаю (ведь я скромный), то она не догадалась, что я хочу торт. И купила пряники. А я всеми глазами ей смотрел на торты и даже вздыхал. Вот.

10 августа.

Я вспомнил ещё.

Меня мама отругала за то, что она соскребала мой пластилин с ковра. А она не знала, что это я лепил ей в подарок небоскрёб, и что за это надо хвалить. И было мне обидно.

11 августа.

Дорогие потомки!..

Сегодня я покушал, хотя и не хотел. Но мама сказала мне, что суп с брокколи, он полезен. Я больше пока ещё не вспомнил других своих обид.

12 августа.

Дорогие потомки!

Отныне я буду писать анонимно. Поскольку хочу записывать здесь крайне сокровенные вещи. И если раньше вы знали, что это всё писал я, то теперь можете считать, что мой дневник у меня выкрали и пишет кто-то другой. Кто – не скажу.

Всегда ваш кто-то другой.

14 августа.

Сегодня папа отказался играть с кем-то другим в домино, ведь должен был чинить карниз. И это настоящая боль.

...И кто-то вспомнил, как его однажды не повели в кино на мультфильм, из-за того, что он плохо себя вёл. Эта боль ещё больше. Ведь там был бы поп-корн. И газировка.

17 августа.

Меня отругали за то, что я ковырял в носу... У кого-то другого, конечно. А у меня – действительно нос чесался!..

21 августа.

Дорогие потомки! Вчера я понял, что у кого-то другого нет силы и воли.

Мы с мамой пошли покупать мне костюм в школу. Куда мне скоро идти. Мы были на рынке. И заходили в ларёк. И я стоял на картонке у зеркала и ступням было холодно. (Ступням кого-то другого.) И мы мерили мне костюм – тот, что

был красивый. Синий. Мне он сразу из всех и понравился – у нас с мамой, просто вкусы схожие. Я это и знал, ещё по тому, что нам совместно нравятся сосиски. Но он на меня не налез. В бёдрах. И мне стало очень обидно, что нужно будет другой костюм, и что подумают, что я толстый. Хотя сама продавщица гораздо толще меня. И даже мамы. Но всё равно. Думать не надо так!.. Я надеялся, что мама сейчас скажет ей правду о том, что я вообще почти ничего не ем и часто отказываюсь. А она сказала:

– Ну, вот, Валя!.. Не ешь ничего нормального, отказываешься от хороших продуктов... Одни пироженки да чупа-чупсы за милую душу поглащаешь – так, вот тебе и результат!..

И это ведь – родная мама!.. Как сама она на диетах сидит – так ей ведь это можно: есть только то, что она хочет! Ей, значит, можно от сладкого отказываться и никто её не осуждает... А мне от не сладкого?.. Ей можно, раз она не хочет, пироженные не есть, а мне суп?.. Несправедливость такова!.. А у меня, может быть, диета такая. Чупа-чупсовая!..

Но я решил, что точно уж буду теперь сам на диете! Я буду почти ничего не есть (разве что если меня поведут в кино, то там я себе поп-корн позволю). Я буду худеть и уменьшаться в талии! Я твёрдо решил теперь взять и оголодать прямо на маминых глазах!.. От обиды. Демонстративно!.. Чтобы она забрала свои слова обратно... Я даже умру при ней от ис-

тощения, и мне на следующий год купят уже мой синий костюм, в который я влезу.

Но что я понял – что у меня нет ни силы ни воли. Когда мама купила мне дальше на рынке пироженные мишки на развес, и сказала мне: "хочешь?" – я понял, что сразу хочу. И мне мама дала одного мишку в салфеточке. И когда я его съел, я сразу понял, что хочу ещё. Потому что это вкусно. И я спросил у мамы – можно ли? И она дала мне ещё мишку, но сказала, что дальше мне уже надо дома есть – суп и гречку. Чтоб я до дома потерпел и аппетит себе не перебивал. И у меня потом, до дома такой аппетит был, что я не думаю – чтоб что-то в мире могло его перебить! Я еле дошёл, и даже гречку съел не пререкаясь. Наверное это потому, что я уже в мыслях успел хорошо оголодать от своей обиды, и от того мне так есть теперь хотелось. Но я понял, что я умереть на глазах у мамы точно не смогу. Потому что она меня постоянно кормит...

1 сентября.

Сегодня у меня было первое первое сентября. И мама вспомнила про мой дневник и сказала мне, что можно об этом записать. Поэтому тут опять пишу я, а не кто-то другой. И ещё мама сказала, что можно записать, что мне в первый день понравилось и запомнилось в школе. Мне понравилось как пах букет, и что дождь на линейке быстро закончился. А запомнилось то, как Паша упал, поскользнувшись, и потом

плакал, и потом перестал. Потому что ему оно надоело.

14 сентября.

Дорогие потомки!

Возможно я скоро умру. Ведь у меня очень много каждый день задано. И я могу не выдержать. И сгореть от перенапряжения. Ведь за меня мама даже не все задачки соглашается решать!.. Поэтому я напишу здесь хоть что-нибудь на прощание. Чтобы от меня остался след. И если вам интересно, как прошли мои, возможно последние дни, и почему я так долго не писал – так знайте. Я пишу очень много, но по школе. Так много, что... Даже скоро, наверное, все руки поотваливаются!.. Хотя некоторые ведь это переживают нормально. Ведь мама, вот, отучилась в школе, и выросла, и даже на меня у неё ещё сил хватает. И терпения. Хотя она, наверное, тоже писала много. И устала. Но вобщем... Мне не до того было, чтобы писать что-то ещё и в дневник. Я даже к трансформерам теперь почти не подхожу – всего-то какой-нибудь часик-два мне и удаётся с ними поиграть в день!.. И мультиков смотрю меньше... Правда, вот рекламы мне меньше смотреть не получается. Её всё, как будто больше и больше показывают!..

21 сентября.

Здравствуйте, дорогие потомки!

22 сентября.

Вчера только начал писать, и сразу мама гулять позвала.

23 сентября.

Здравствуйте!

У меня всё хорошо, я жив. И задают поменьше, или я привык. И даже трансформеры стали меня чаще видеть. А тот, который мигает глазами – мигать перестал. Наверное батарейка села.

25 сентября.

Я учусь хорошо. И мама даже сказала сегодня, что я стал гораздо осмысленнее и взрослее. И что я уже гораздо больше в жизни молчу. И хожу с видом серьёзным. А я всё, просто, хожу и думаю – как бы мне пропеллер достать из-за шкафа?..

28 сентября.

Мы сейчас и так пишем разные сочинения – и про зиму, и про птичек, и про мам. Поэтому мне уже не до дневника. Простите покорно меня, дорогие потомки!..

23 октября.

Мысли.

Мы очень много читаем. Уже вторая книжка за месяц! А они все по пятьдесят с лишним страниц!.. Вот так и думаешь... Для чего нужны эти писатели? Понапишут всего, а

потом их детям по сто человек на дню задают! И того почитай, и то-го!.. И ещё по вне классной программе пройди... А когда, скажите мне, хоть на улицу из дому выйти? Тут пока только все задачки по математике решишь – уже, глядишь и сумерки за окнами. А как начнёшь проверять по ответам в учебнике, и поймёшь, что не сходится... И пока начнёшь ещё искать – где ж и почему, так и вообще весь день пройдет. А жить-то тоже хочется! Вы когда пишете, дорогие писатели, вы уж думайте об этом хоть чуть-чуть! Дети – они тоже люди... Им жизнь тратить хочется на вещи поважнее!.. Футбол и велосипеды, например. Я даже один раз так сильно не хотел разбрасываться на такую ерунду, как книжки, что даже и не прочёл вообще то, что задали. А на уроке меня, как назло, в тот день спросили. И я вышел к доске, и думаю – что отвечать?.. Ведь читать-то я не читал. И меня, тогда, спросили о том, что в книжке написано.

Я говорю:

– ...Этот... этот рассказ отличается занимательным захватывающим сюжетом!.. От него невозможно оторваться практически что до самой последней страницы... – а потом думаю – да я ж не помню... может там всего одна страница-то была?.. И говорю, – До строчки, то есть... – и вижу – учитель от меня ещё чего-то ждёт. Ну я и продолжаю: – Глубокая проникновенность... Сюжетной линии... – и откуда только я ещё таких слов набрался?.. Возможно это от того, что я уже

этих самых книжек, которые нам задают, начитался столько, что... Что голова моя уже переполняется просто от всех этих красивых слов и они уже даже сами как-то лезут наружу!.. – ...Зас... заставляет проникнуться к герою... ям... свет-лым чувством... восхищения.

И тут учитель спросил:

– Ну, и какие же мысли, по твоему, писатель заложил в этот рассказ?.. Чего он хотел бы достичь этим произведением?

Я хотел уже, конечно, сказать честно, как думаю – что мысли он такие заложил в этот рассказ: "терпеть я не могу этих детей, и пусть они побольше мучаются!" И достичь он, наверное, хотел того, чтобы все дети нормальные, в последние тёплые дни осенью сидели по домам с книжками, а не ловили бы на своих щеках бесценные лучи солнца!..

Но я сдержался и говорю:

– Ав-тор... Автор – он хотел до-нес-ти... Нам... Всем... Оч-чень... Важные мысли. Мы, – говорю, – можем долго, конечно, обсуждать поверхностные и очевидные см..смыслы, которые автор занёс... На свои страницы... – Опять – "страницы"!.. Да, что ж я всё про страницы то?.. Ведь – может там и нет никаких "страниц"!.. А одна всего!.. Ну, я вижу, конечно, что на задних партах ребята уже покатываются со

смеху – видно все поняли уже, что я ни чего-то не знаю... И-иии, думаю – всё пропало!.. Но продолжаю говорить. – Но я... Я... Я бы хотел смотреть глубже. – и смотрю глубже в класс – на тех шалопаев, что меня своим смехом выдают... "Чего вы, мол, сдаете?.. Сидите тише – после насмеетесь!.." – Бе...спорно... то... что в основу... каждой новой... произведении... Автор... вложил всю... всю душу. И хо...хотел бы затронуть... глубинные мор...рральные основы... человечества. Вот. – и я остановился, чтобы отдышаться и жалобно (видно, что это так выглядело, ведь с задних парт поднялась новая мощная но приглушенная волна хохота) поглядел на учителя – а вдруг он уже больше ничего от меня и не ждёт?..

А учитель прямо и не отрываясь смотрел на меня через очки. Очень даже серьезно. И я выразил дальше ещё:

– Он, ко...нечно же желал... бы... чтобы каждый читатель... Оставил след... В своей душе от... Этой, его книги... И... И стал немного лучше. Чем был. До того... До его книги... этой. Вот...

– Ну, что ж... Достаточно. – сказал учитель. Ну, думаю – всё. Конец. С задних парт, как вой ветра поднимается смех... – Садись, пять. – вдруг сказал он очень серьезно и даже грустно как-то.

Я опешил. Я думаю – как пять?.. И говорю:

– За что?..

Не знаю, даже, как это из меня вылезло. Как будто меня ругают или наказывают, а я и говорю: "за что?"

– Ну, как – за что?.. – говорит учитель всё так же серьёзно, – Ведь у нас же урок литературы? Правильно?.. Это ведь ты, хоть, знаешь? – и, наконец, улыбнулся хоть слегка. И с задних парт раздался новый фейерверк смеха. Я пристыженно кивнул. – Так вот, раз у нас урок литературы – ты получаешь пять за свои литературные способности... Это – раз... А во вторых... Да, ты садись, садись, литературный критик!.. – и снова взрыв смеха сзади. Ну, я подумал – наверное он, тоже меня обманывает, в ответ. А потом скажет – что, как, вот, я не читал, но делал вид, так вот и он – мне никакую пятёрку и не ставит, а только вид делал, чтоб мне так обиднее было. И чтоб запомнилось. – А во вторых – то, что я хочу тебе сказать: это ведь очень важно – то, что ты сейчас всем нам здесь рассказал. Ты это сказал, так – не подумав. А вот теперь ты подумай. Вспомни дома свои слова и подумай над ними – что же, на самом деле, за цель у книжки, у любой, такая?.. Вот... И для чего писатели их пишут подумай. А чтобы тебе двойка в дневнике не мешала думать, я тебе и ставлю пять. Но это – в последний раз. А так... Ведь ты всё правильно сказал. Так почему бы тебе пять и не поставить?.. Не выучил – ладно... Не прочёл – хорошо. Ведь это и не главное – читал ты или не читал. Главное – какие ты сделал выводы. Вот сегодня ты выводы правильные нам озвучил. Хотя, наверное, ещё и не

понял их сам, до конца. Но... Вот, о чём тебе нужно задуматься – так это о том, что глубинная цель каждой книжки... А не поверхностная, как ты говоришь – она в том, и именно в том, чтобы человек стал лучше, и чтобы его жизнь стала лучше. А не в том, совсем, чтобы он мучился и читал то, что ему не хочется. Нет. Цель в том – чтобы всё, что написано, пошло ему на пользу. И в конечном счете – книжка это только средство. Это как зубная щётка – которая только и является средством, с помощью которого ты достигаешь цели: чтобы твои зубы были здоровыми. Понимаешь?.. А сама она, в конечном счёте отслужит своё и будет выброшена в мусорный ящик. И книга, которую ты прочёл, может исчезнуть из памяти уже через несколько лет и ты даже совсем не вспомнишь – о чём там была речь и как там в ней развивался сюжет... Но если ты вовремя сделал из неё нужные выводы и почерпнул для себя что-то хорошее – то ты, даже забыв о книжке и совсем, всё равно, будешь уже лучшим человеком, чем был до неё. И это – главное. Тогда – её цель достигнута, задача выполнена. Так же, как и школы – ведь эти оценки, они, в сущности – ничего. Я могу сегодня поставить тебе два, или могу поставить пять – но важно лишь только то, какие ты сделаешь из этого выводы. Ведь оценка по предмету не поможет тебе, когда спустя много лет ты вырастешь и насовсем уйдёшь из школы. Не поможет стать хорошим профессионалом в какой-то области... Которую выберешь... Найти друзей, и не потерять, заработать на жизнь... Создать семью. Во

всём этом – тебе помогут не оценки. А только знания. И ты должен работать сейчас ради них. Именно ради них, а не ради оценок. Ведь, видишь?.. Мне ничего не стоит сейчас взять и поставить тебе пятерку за невыученный урок. Она ничего не значит – она только цифра в дневнике. Только средство. И ты не должен бояться того, чтобы получить плохую оценку. Ты должен бояться того, как бы не стать плохим человеком – глупым, ленивым... обманщиком. Вот это важно. Поэтому запомни вот эту пятёрку. И подумай о том, достоин ли ты её. Ведь иногда ты можешь получать какие-то хорошие вещи в жизни – такие, как эта отметка, не очень-то и заслуженно. Важно не то, что ты их получил, а то, как ты внутри ощущаешь – достоин ты был их или нет. Вот... И не думай о них больше – об оценках. Думай о том, что с тобой будет, если они у тебя станут совсем плохие. Хорошо?..

И я сказал "хорошо". А сам готов был сквозь землю провалиться. Ведь даже мои товарищи с задних мест уже не смеялись, а просто слушали. Мне кажется – когда все смеются, и даже когда просто ставят двойку... и даже поругают – так, это, всё-равно – легче... А всё – из-за этих писателей!..

И сколько я сейчас ещё времени потратил на то, чтобы это всё записать!.. А мог бы давно уже пойти на улицу. Гулять. Вот и пойду. Так что, до новых встреч, дорогие потомки!..

Снова пишет кто-то другой.

Оххх!.. Что сегодня случилось!.. Что слу-чи-лось!.. Я да-же сам ещё не понял что... Я уже вернулся с прогулки, по-томки, мои дорогие!.. По-то-моч-ки-ии!.. Я был сегодня на площадке... Я даже не думал, что всё та-аак хорошо обер-нется!.. Она – прелесть!.. Она... Она даже умеет спрыгивать с горки-кораблика ещё выше, чем я!.. Она сама мне показы-вала... Но, всё по порядку!.. Я вышел сегодня во двор и сразу же залез на горку. Горка на нашем дворе очень облезлая... Но зато – высокая!.. С неё всё видно. Аж до тех пор, где на-чинается дом. Он, просто, уж слишком высокий, чтобы и за него смотреть. И, вот, смотрю я с неё на низ... И вдруг!.. Она! Её зовут Аня. Она с мамой пришла на площадку. Она на год старше меня. Она предложила сыграть в догонялки. И я сразу начал поддаваться... Ну... потому что она, то-гда очень хорошо смеялась, когда меня догоняла. Мне очень нравится такой смех у женщин! Радостный!.. Как когда мама вдруг узнаёт, что ей дали дополнительный выходной... Она очень хорошо бегает и прыгает... И редко падает!.. И нрав у неё есть. Когда её мама подозвала косички у ней поправить, так она так стала дергаться и фыркать, как... как настоящая герцогиня!.. Она с характером, вобщем!.. И... И как хорошо то, что я именно тогда вышел на улицу!.. Ведь мог бы ко-гда угодно выйти – раньше или позже... Ведь сколько дней я так выходил, и лазил по горке, и никого совсем не было – даже какого-нибудь неизвестного малыша в песочнице, и

то не было – не то что бы ЕЁ !!! А теперь – теперь, так вот хорошо я вышел. А она мне ещё показала, как она прыгает с горки – с того места самого, где аж парус прикреплен. А это высоко. Это с мою маму ростом. Я их, как-то, с горкой сравнивал при случае... А сейчас-то я уже давно с мамой не гуляю. Я полностью самостоятельный. Я хожу – куда хочу. Только за заборчик площадки мне выходить нельзя, чтобы мама меня из окна видела. А я так Ане и сказал!.. Что я самостоятельный! А она смотрит с восхищением – ведь она на год старше, а гуляет с мамой ещё. У них дом не здесь, а в соседнем дворе просто. Она мне сама так сказала!.. А... а с того места, откуда она прыгает – так даже я ещё никогда не прыгал!.. Но я ей сказал, что я тоже смогу... И я прыгнул. И упал, и поранил пальчик. И она да-же за меня ис-пу-галась!.. Она единственная из всех женщин в мире, после мамы, кто пугался за меня!.. Она, наверное, думала, что я сейчас умру. Так она вскрикнула, когда увидела кровь на пальце! Но я даже не заплакал – не то, что не умер. Я сказал, что это – ничего. Я вспомнил, как раз, как где-то в телевизоре говорили однажды, что шрамы красят мужчине. Я даже захотел, сразу, ещё где-нибудь ушибиться поскорее, чтобы стать и совсем уже красавцем!.. Но только – её мама уже тут позвала домой идти... И это – жаль. Нам ещё о стольком можно было поговорить!.. Что прос-то жуть!.. Ведь нам даже и мультики одни и те же нравятся!.. Это я у ней по глазам вижу. Но зато!.. Зато я смог спросить её – придёт ли она ещё

и... И она сказала "да"!.. Она сказала, что завтра, возможно, придет с мамой в это же время. Я ли-ко-вал!.. Я даже не знаю – чего же со мной происходит такое?.. Но мне-ее, вдруг так хорошо стало!.. Прямо, как когда только покушаешь. И даже мысли пришли – глупые такие... что – вот, я, уж если бы и хотел себе завести однажды жену, так вот именно такую!.. Ведь она – на год старше... А значит – мудрее... А значит – она мне, если что, с уроками поможет... Но мама меня уже зовёт... В третий раз зовёт зубы чистить... И спать. Но, ладно. Романтику так просто не убьешь! Завтра напишу, как пройдет встреча!.. Спокойной ночи, потомки!

24 октября.

Ну, здравствуйте, потомки... Что ж. Даже и не хочется вас так огорчать... Как огорчило меня сегодня жестокое стечение обстоятельств. Очень жестокое. Жесто-кое, жес-то-кое сте-че-ние!.. И жес-токих обстоятельств! Сегодня пошёл дождь. Сильный дождь идёт во дворе. И я тоже хочу пойти, очень очень хочу пойти туда же во двор!.. Что мне дождь?.. Дождь мне – ничего. У меня и резиновые сапоги есть. А мама не отпускает. Мама считает, что я промокну. И заболею. А то, что я теперь заболею, явно, от грусти?.. Так это – ничего? Можно, да?.. Я о-чень хочу во двор!.. Ведь она, наверняка уже там! И прыгает, наверное, с горки, совсем в одиночестве. А я не могу выйти... Не мо-гу-уу!.. Аж кричать хочется! Кричать и плакать!.. Вот, вчера не стал, когда па-

лец поранил, а сегодня – уже, вот-вот и не выдержу!.. А там дождь... Ну, что – дождь?.. Пустяковый дождь... Всего-то льёт... Ну и льёт. Можно же с зонтиком выйти?.. Как, главное, мне с утра в школу вставать и идти – когда холодно... Так всё. Никому меня не жалко. А тут – жалеют меня они...

Она, наверное, думает, что я уже умер. Не мог же я, просто так взять и не прийти?.. Я же человек – человек слова... И дела. Она, наверное, считает, что я вчера просто стерпел, когда упал при ней сильно. И виду не показал. А я когда только в дом зашёл – так сразу, наверное, и в обморок упал!.. И увезли меня в больницу, и долго боролись в реанимации за мою жизнь... А я всё кричал на всю реанимацию, что: "это – ничего!.." И даже не плакал. А потом – я умер и меня увезли далеко на кладбище... И потому я из такой дали и не смог сегодня прийти. А иначе ведь я бы точно пришёл! И так мне жалко себя стало, пока я это за неё думал – о том, какой я бедный, и больной, и стойкий, и не заплачущий, что аж плакать захотелось!.. А она, наверное сидит там сейчас под дождём, и ждёт... Ведь она – тоже не могла не прийти!.. Я даже к окну подходить не решаюсь – ведь так она может увидеть, что я здесь стою – весь целый и здоровый у окна, и даже не в бинтах и без капельницы... А она, бедная, наверное продрогнет там под дождём совсем без меня... А завтра сляжет в реанимацию из-за воспалений лёгкого!.. Точно сляжет! И будем мы с ней – как Ромео и Джульетта... Совсем, совсем. У них там, тоже что-то... как-то так же было. Умрём с ней

в один день... Она – в одной реанимации, а я – в другой. Ведь, может – у меня теперь на нервной почве, ещё мой порез прогрессирует!.. Ещё неизвестно – чем это всё закончится!.. Ведь я-то креплюсь – но всё равно – больно было... Вот так вот грустно всё может закончиться! А ведь я мог бы прос-то надеть резиновые сапоги!.. Я буду читать... Я буду читать, всё, всё, что нам задали – и что сейчас задали, и что раньше задали, и что ещё зададут!.. Добью себя окончательно! Я даже то, что уже прочитал... и что уже несколько раз прочитал – всё равно читать сегодня буду!.. Скорбь – она такая...

Дорогие потомки. Вот, что я вам скажу. Я даже не знал... Не знал и не догадывался до сегодняшнего дня, о том, что книжки бывают не только как те взрослые люди, что тебя наставляют и отчитывают, и учат какой-то морали... но ещё и как друзья. Не только как учителя и ругатели – но и как настоящие друзья, которые тебя понимают. Я только сегодня это понял. Случайно. Я хотел себя наказать за то, что я такой непутевый, и назначил себе в наказание чтение. Но, вот представляете?.. Я взял одну книжку – и там было так чудно написано про какого-то ёжика, котрый друга искал, что я аж сразу подумал, что это про нас с Аней пишут!.. Вот – так же грустно и жалко было... А ещё... А ещё я прочёл рассказ "Девочка на шаре", и сразу же подумал, что... Что это всё про нас. Хотя это было написано давно – мне показалось, что

мальчик из этого рассказа меня совсем, сов-сем понимает... Точнее – понял бы, ведь с ним случилось – почти то же!.. И значит – я не один. Не совсем один сижу здесь, в залитой светом лампы квартире, посреди дождя, который идёт над всем двором, и над всем районом, и наверное – над всем миром... И папа того мальчика, наверное, меня тоже бы понял. Раз понял он и своего сына. И потом я читал ещё какие-то книжки и истории... Про всё рассказывать будет долго. Но где-то, хоть где-то, в каждой почти, я нашёл что-то и про себя. Вот, совсем про себя!.. Как будто прямо с меня писали! А ведь это писали давно... И значит – что это лишь только я сейчас начинаю их, эти книжки сам понимать. Но чувство такое – как будто бы где-то взяли и поняли меня. Вот так вот интересно... Выходит. И я даже подумал, подумал, и придумал, что мне хорошо бы тоже написать какую-нибудь такую книжку – про девочку и про дождь, который к ней не пускает... И про резиновые сапоги, которые легко могли бы всё исправить... И про горку кораблик, с которой можно скакать от самого, самого паруса... И может быть – когда-то напишу. Чтобы если однажды ещё один мальчик попадёт вот в такую ситуацию, так он тоже почувствовал бы, что он совсем не одинок. И среди дождя он понял бы, что становится ему от чего-то теплее... И тоже, может быть, понял бы – для чего они нужны, эти писатели!..

2 ноября.

Дорогие потомки!

Возможно скоро мне придётся сжечь всё это, что я пишу... Возможно – порвать и выкинуть в мусор, потому что спички мне мама врядли даст. Но ситуация становится крайне опасной. Мама вчера нашла мой дневник. Конечно – я сам виноват. Но в этом не моя вина. Я как раз собирался убрать на столе, как вдруг мама не выдержала и стала убирать сама, потому что, как она говорит – устала уже ждать и просить меня несколько дней подряд. Но это не справедливо. Ведь я все эти несколько дней, действительно очень, очень хотел убрать у себя на столе, и ждал не мог дожждаться, когда же наконец смогу это сделать. Я сам уже измучился. Как увижу свой этот стол, весь заваленный тетрадками, альбомами и красками и... И всем остальным, что только у меня есть – так взор мой, сразу же и стораёт от боли. И так и хочется потянуть руки к нему и всё убрать. Но нет – не могу. Я должен. У меня есть обязательства перед другими людьми. А это – всегда в первую очередь. Я ведь знаю, что Миша меня ждёт на поле под домом – в футбол играть. Он ждёт и надеется. А я буду его предавать?.. И тогда я вздыхаю тяжело и отправляюсь исполнять свой дружеский долг... А когда я возвращаюсь домой – так я так измотан своей бегомней, что больше не могу и рукой-то пошевелить! А мама ещё заставляет зубы чистить!.. И когда я обессилено падаю в кровать – я с затаенной болью бросаю взгляд на свой письменный стол и думаю, что – вот... вот, только я проснусь завтра – и сра-

ааа-зу!.. А утром – лень. С утра и так холодно. А тут – ещё и к окну подходить! Ведь у меня стол стоит возле окна. И это очень удобно – ведь когда делаешь уроки, можно всегда взять и посмотреть – как там летают птички и качаются деревья... И почувствовать, что есть ещё где-то в мире этом жизнь... и свобода.

И вот – я только уже собирался убрать!.. Я только подумал, что – вот, обязательно через два часа я примусь за это дело, когда приду с футбола... И тут мама взялась убирать со стола сама. Но вдь я как раз хотел! И я ей даже говорил об этом, даже... кричал. А она... А она, в ответ, говорит: -"Да, знаю я уже твое "как раз хотел"!.."

И ни-че-го она не знает! Я обязательно хотел!.. Я точно хотел! И я, в итоге, и не играю в футбол – ведь я не могу так оставить, чтоб мама сама что-то трогала на моём столе без меня... Вдруг она что-то там поставит так, что я потом и не найду, или мне совсем не удобно будет, что оно так стоит?.. Поэтому я должен, конечно же, контролировать. И на столе своём сам, тоже уже не убираю... так не убираю, как мне удобно было бы... А только сижу на диване, напыжившись и наблюдаю за мамой – как она, что делает... И раздраженный и обиженный, только и могу, что делать ей замечания о том – ну, как так можно-то?!. Ка-аак так можно всё складывать, а? Ведь, ну например – сложить все тетрадки в одну стопочку – да это же – потом не найти!.. Да это же значит, что они для тебя, на много дней, считай, все потеряны!.. Ну

и многое другое. У взрослых такие странные порядки, что и вообще не поймешь... Ну, например – все ручки и карандаши и фломастеры собирать со стола, где они лежали преспокойненько, и ставить все в один стаканчик – так это же просто уму не постижимо!.. Зачем?.. Ведь ты же их, всё равно, при первом использовании, достанешь и будут они опять лежать на столе?!.

Но, вообще – это не самое страшное. А самое страшное – то, что мама увидела у меня в кипе тетрадок и этот вот дневник!!! И открыла его!.. И сразу – на самом важном месте: про девочку и про дождь... И она начала читать!.. И я весь похолодел изнутри, а потом – наоборот, внутри меня, как будто пламя взвилось вверх от самого желудка, и где-то до подбородка... Мама начала читать вслух те слова, что я написал там про горку и про качели... Она просто, вот так, сказала: -"Так... А здесь у тебя что?.." И сразу начала читать!.. И не спросить, и не узнать – а можно ли?!. Ведь если ты только кормишь человека, и одеваешь, и лечишь, когда заболел, и водишь к врачам и в школу и на прогулку – так это ещё не даёт тебе права считать, что ты можешь лезть во всю его личную жизнь!.. И мама стала читать, но к счастью – она сразу обратила всё, всё своё внимание именно на то, как я пишу, а не на то, о чём. Она ужаснулась и сказала, что: -"Ну это же мрак, как ты пишешь!.. Валя, ну первый класс – а такие каракули!.." Я инстинктивно сказал: -"Ну, это я давно писал... Так – ерунда... детская..."

– Как – давно?.. – ответила мама, – Тут у тебя число стоит!.. Это... прошлый четверг!.. Ффууух! И то – еле разобрала!..

– Ну, вот... Давно. – буркнул я. А это и справедливо – это для вас, взрослых, которые уже прожили на этом свете тридцать, там, и больше лет – время от прошлого четверга до сегодня, уже совсем маленькое... А в моих шести с половиной годах – это, вполне себе, внушительный отрезок времени!.. За этот отрезок я, может быть, ещё ого-го, как сильно развился и спродессировал!..

– Так... "Горка... На нашем дворе..." Ну, Ва-ля!.. Ну, уроки русского тебе вообще никакого развития не приносят?.. "Очень аблеслая..." АБЛЕСЛАЯ!!! Знания у тебя, Валя, в голове аблеслые, а не горка!.. Значит... Ну ка марш за учебник русского, и пока всё, что вы прошли, не повторишь – никакого футбола!.. Снимай, живо, бутсы!.. – и мама захлопнула дневник и положила на стол – сверху на тетрадную стопочку.

– Да я... Я и сам не знаю... как я так на-пи-сал... "Аблеслая"!.. Ну, конечно – козе понятно, что не так пишется... Это, наверное, ручка как-то... Сама... У меня. – пробурчал я под нос, медленно откладывая мяч, с которым я сидел всё

это время в обнимку, в сторону... Медленно, потому что надеялся, что пока я его буду так, медленно откладывая, так мама ещё и передумает и отпустит меня, всё-таки... Но мама сказала только:

– Сама!.. Ну, вот, пока она сама у тебя не начнёт писать как надо – так и не надо тебе в футбол гонять!.. А то – козе-то, может и понятно, а вот тебе – так ещё, кажется, нет!.. Марш за уроки!..

И я нехотя поплелся садиться за свежеприбранный стол и учить уроки. И тут – во мне, как говорится... промешались сразу два чувства. С одной стороны – горя... А с другой – и облегчения. Ведь мама не дочитала до девочки и я остался в своей анонимности... Но есть в этом и беда – ведь теперь мама, в любой момент, может заглянуть туда снова!.. Конечно она, врядли захочет ещё раз ранить себе взор и смотреть на моё правописание в личных записях... Но всё же – опасность нависла окончательно. Отныне – я нахожусь под прицелом. И дождь и девочка – тоже. Я взял свой дневник с верхушки стопки и мигом заложил его прямо под её самый низ. Но этого мне показалось недостаточно. Ведь мама может в любой момент подойти и начать хозяйничать на моём столе так же, как уже было сегодня!.. Ведь это и есть то, чего ты, конечно же, можешь ожидать от человека, который смело и бесповоротно способен за минуту сложить карандаши в стакан!..

Я начал придумывать план действий. Опершись на учебник русского локтями я стал напрягать мозг, и сначала придумал, что мне надо, просто, всё время, заранее убирать на столе, пока мама ещё не успела к нему подойти!.. Я буду всегда, отныне, сразу убирать весь беспорядок и мама просто, даже не захочет, тогда, прикасаться к моей идеальной чистоте!.. И марать об неё руки. Я буду убирать каждый день... Но потом, когда я представил это – я решил, что это, конечно, уж слишком. Я начал думать – как бы мне спрятать дневник. Я стал обсматривать, мысленно, все углы, но... Но нет такого места в доме, куда не дотянулись бы мамины, жадные до порядка руки!.. Везде мой дневник был бы в опасности. А я – всегда на грани разоблачения... Не знаю, даже, почему мне так страшно того, что кто-то, когда-то, возможно прочтёт у меня в записях про девочку. Ну, кроме вас, конечно, дорогие потомки! По сути – страшнее, наверное, должно быть то, что мама, например, однажды прочтёт про то, как я смухлевал с уроками по литературе... И про ту пятерку. Но, хотя там мне, допустим, и влетит, возможно ремнём... Но видимо, душевная боль, всё же сильнее физической. Я так думаю. И теперь я это особенно явственно чувствую. И... Хорошо ещё, что в этот раз всё обошлось. Я... то, наверное, и не хотел, так усердно и прилежно не хотел сидеть за прописями и вникать как следует в учебник русского... Как чувствовал же, что мне это пригодится!.. А мне ещё говорят – что я лентяй. А я просто предусмотрительный. И я подумал, что надо

для начала мне написать на дневнике что-нибудь такое, чтоб точно никто не подумал, что это мой дневник. Ведь, может быть, мама уже и забыла – как он выглядит?.. И я решил написать на обложке "Не дневник". Но потом я попробовал посмотреть на это глазами мамы, как делал бы настоящий детектив с глазами преступника – он обязательно смотрел бы на всё его глазами. И это мне показалось странно. Подозрительно. Ведь если это не дневник – так и чего же на нём так писать тогда?.. Мама же не пишет "Не суп" на котлетах?.. И я подумал, что надо написать что-то другое. Я подумал, что я напишу: "Рассказы по школьной программе" – ну, чтобы это, уж точно, нормальный человек не захотел читать... Но потом думаю – кто же рассказы-то в тетрадь переписывает? Мало их читать – так мы ещё и переписывать будем, что-ли?.. Ну, нет – это мама сразу поймет. Она у меня понятливая очень. И я, что-то перенервничал как-то, и сразу взял, с ходу замазал чернилами из авторучки свою старую надпись "Дневник", с "И" исправленной на "Е", и написал там: "Просто простая тетрадь". И я не знаю – насколько это надежно. Но на первое время пойдёт. Плюс ещё буду прятать под подушку, не смотря на то, что будет мне теперь с ней жестко спать.

7 ноября.

Дорогие потомки!

Я рискую теперь, как никогда. Сам не знаю – почему, но

рискую. И мне хочется это делать, хотя я и вижу глаза безусловной опасности прямо напротив себя. Но я, как отважный каланхоэ, не сдаюсь и не бегу. А даже немножечко играю с огнём... Каланхоэ – это, кажется, есть такое племя в Америке... Ну, да ладно. Потом узнаю точно. Дело в чём... А вот в том. Вчера мама назвала меня бесчувственным чурбаном, когда я сказал, что ничего там страшного такого и нет, что у турецкой дамы какой-то из сериала потерялся вдруг возлюбленный. Я сказал, что ничего – она себе ещё кого-нибудь нового, наверное, найдёт... И, я-то сказал это из жалости к той турецкой бедной женщине, которую, как показали до рекламы, её возлюбленный, на самом деле обманул и бросил... а она, после рекламы, ещё взялась бродить по лесу какому-то и убиваться по нему... И лицо у нее было такое отчаявшееся и грустное – прям как у мамы, когда она у меня оценки в дневнике видит... Я просто терпеть не могу, когда у женщин такие лица!.. Вот и сказал – чтоб та не плакала... А вовсе – я совсем не бесчувственный!.. А ещё мама сказала, что: -"Ты, кажется, Валя, не сможешь, с таким отношением, никогда по настоящему и искренне полюбить!.." И это прозвучало очень обижаяще!.. И, кстати, в следующей серии, та женщина, и правда, себе уже другого любимого нашла. Но только – она, пока, вроде как не соглашается в него ещё влюбляться – а только он ещё её просит. И всякие сюрпризы дарит. Вроде как нормальный мужик. И побогаче первого... Она-то не соглашается, но я-то понимаю – куда дело клонит!.. Сейчас, в

выходные сериал перестают показывать – так у них по графику... А в понедельник, наверное, уж точно женятся!.. Уж это почти наверняка. Но суть в том, что я весь почувствовал себя оскорбленным... просто... на глубину души!.. Я не хочу раскрывать свои тайны, потому что я горд. Как орёл. И я не считаю нужным распространяться о своих личных делах. Это не моего ума дело... Как говорят в таких случаях. Но я о-очень захотел доказать маме, что я романтик ещё побольше тех, что во всех этих её сериалах любят показывать!.. Что я просто умею скрывать свои чувства... И вот, я и думаю всё теперь – как бы ей так это вдруг и показать?.. А пусть она знает, что я ещё, может быть и лучше того типа из сериала, что теперь за женщиною ухаживает!.. Ведь он, конечно и делает ей дорогие подарки... и устраивает всякие сюрпризы... Но, вот ещё как посмотреть – на детскую площадку ради неё он бы, может, и не решился под проливным дождём выйти!.. А так – когда у тебя есть деньги, так ты, конечно-но, можешь ими разбрасываться как угодно!.. Да хоть по десять раз разбрасывайся на серию!.. Это любой может... Конечно. А у бедного школьника, который лишь два рубля у себя в кармане держит... Да и то – потому что внезапно в песочнице нашёл... Так у него только и остаётся, что душевное страдание!.. А... А то, что я и об Ане, возможно, тоже с ошибками всё написал – так это... Это тоже не делает меня хуже в сравнении с ним. С этим мужчиной из сериала. Тот, так вообще – турок... и по русски вообще ни бэ, ни мэ... За

него даже переводчик в сериале разговаривает. Не то что там – писать!.. У него уж с русским, так точно не лучше моего!.. А ещё – у него борода, а у меня нет. Но это – не беда. Ведь для женщины, борода – это вообще проблема. С неё по всей квартире будут волосы выпадать, а ей потом – ходи, убирай их там с пылесосом!.. Моей возлюбленной – ещё с моим пластилином в коврах нужно будет научиться разбираться... И чтоб не хуже мамы! Зачем же её ещё больше, совсем нагружать?.. Борода мне ни к чему. Я и так красивый. Особенно в сравнении с трансформерами.

Мне надо, чтобы мама как-нибудь нашла мой дневник и прочитала. И тогда она всё, всё сразу поймет – и как я умею любить, и как я умею грустить, и как я умею скрывать весь свой внутренний мир от чужих и посторонних глаз... Всё это она там прочтёт. И... И пусть даже прочтёт и про то, как я незаслуженно получил пятёрку – пусть!.. Ведь я не трус! А прежде чем ругаться за это на меня – так пусть ещё и прочтёт сначала, про то, как она мне торт не купила и при продавце оскорбила на глубину души!.. Пусть знает – что я и это всё от неё стерпел и ничего не сказал, и что, уж тем более – за какую-то там двойку-пятерку меня ругать не стоит!.. Вот, только как бы так сделать, чтобы она прочла – я уже даже и не знаю. Я почти отчаялся и потерял надежду. Уже я и клал свой дневник на самое самое видное место – на телевизор. И делал вид при ней, что я что-то здесь усиленно пишу и так же

усиленно скрываю – я так старательно озирался на папу и на маму, что уже наверное и трансформер бы догадался, что у меня здесь записано самое сокровенное!.. Но мама, видимо, не догадалась... И папа тоже. И тогда я даже зачеркнул надпись "Просто простая тетрадь" на обложке и написал крупно: "Самое сокровенное". И это, всё равно, не подействовало. И я однажды даже уже положил свою тетрадь прямо на мамин кухонный стол!.. А мама всего лишь, когда пришла на кухню, чтобы что-то сильно готовить и спешить, так и крикнула мне, чтобы я у неё забрал свои вещи со стола, потому что ей нужно побыстрее готовить, а то сейчас папа придёт и ему нечего кушать... И даже сказала, что я неряха, ведь разбрасываю свои вещи везде где попало – и опять оскорбила меня в глубину души!.. Возможно – мне всё-таки стоило бы раньше чуть-чуть больше работать над почерком... Ведь мама, возможно, просто не разобрала, что там на обложке написано было "Самое сокровенное" – ведь если бы она разобрала, то она бы, конечно же, заинтересовалась, и никакой голодный папа, наверное её бы не смог от этого дела отвлечь. Вот так вот и говорится – что ученье свет, а не ученье... не свет. Впрочем как-то так. Я, иначе говоря, совсем уже разнадеялся, что мама у меня хоть что-нибудь прочтёт, и думаю, что она не прочтёт и про то, как я хотел, чтобы она прочла. Так что пишу смело. Как каланхоэ. И думаю, что возможно мне стоит поговорить с папой и ему как-то случайно раскрыть все свои секреты невзначай, а он уже, при случае, когда ма-

ма начнёт с ним, например, обсуждать то – какого же бесчувственного сына они с ним растят, смело бы возразил ей и сказал по секрету, что как он догадывается – так у меня есть неразделенная чувства к какой-то прекрасной даме, которая как никто умеет прыгать с горки-кораблика... И мама тогда раскается в своём непонимании и станет смотреть на меня улыбаясь и даже извиняясь чуть-чуть.

10 ноября.

Сегодня я поговорил с папой, дорогие потомки. Мы с ним шли вместе из магазина. И я спросил его, чтобы как-то зайти издалека:

– Папа... А ты когда-нибудь любил?..

Папа опешил и говорит:

– А как же, ты думаешь, я на маме твоей женился?..

Я говорю:

– Ну, не зна-аю... Может от того, что она очень вкусно готовит.

– Ну, то, что мама у нас готовит вкусно, так это, конечно, да... Но если бы я на ней только из-за этого женился, так это уже нельзя было бы, понимаешь, назвать настоящей любовью.

Я вздохнул и сказал:

– Да... Куда серьёзней, когда она ещё умеет прыгать с горки!.. Как настоящая серна... и антилопа.

Но папа, видимо, не понял тонкого намёка на тайну моей

души, или не понял сразу – что такое серна... И продолжил дальше. Он говорит:

– Любовь – это когда ты сам хочешь что-то для неё сделать... Когда готов отдать ей весь мир!.. И подарить всю свою жизнь. А не только радуешься тому, что она что-то хорошее сделает для тебя.

И я подумал – что тоже хочу отдать Ане весь мир и подарить ей всю свою жизнь, когда мы в следующий раз с ней встретимся на площадке.

И я говорю:

– Да, па-па!.. Любовь – она прекрасна!..

– Да... – говорит папа, – Хотя иногда, знаешь ли, она бывает и болезненная.

И я говорю:

– Это уж да... И не говори. Болезненная... Как влюбишься – так сразу кашель у тебя начнётся, и горло всё заболит... И живот. И нос зачесется... – Это я бросил такие слова, так – мельком. Чтобы папа понимал, что я тоже не лишён чувства печали и переживания. – А то ещё и зуб у тебя потом вырвут... И в школу не пустят идти, потому что ты весь больной будешь...

– Ого!.. Ну, это ты сильно, наверное, влюблялся, раз тебе аж прям зуб вырывали!.. – улыбнулся папа.

– Да так... – говорю, – ничего... Его-то и не вырвали, конечно.. всё равно, но... Но, кажется, всё к тому и шло...

– А... – сказал папа. – Ну, раз не вырывали... Тогда может быть – это ещё и не настоящая любовь была. А только так – влюбленность. – папа любит шутить. Особенно когда не кстати. – У меня-то, вон – видел, сколько коронок стоит?.. Так это, уж потому что я твою маму по настоящему люблю!..

Ну, вообще... уж не знаю, что и как мой папа понял – но папа, похоже понял, хоть в общих чертах, и осознал, что я уже хлебнул достаточно в своей жизни неразделанной любви.

13 ноября.

Сегодня... Сегодня случилось нечто, дорогие потомки!.. Я сегодня опять встретил Аню. И она даже совсем не сердится. Потому что меня не очень помнит. Ну и... Так оказалось, что её мама саму не пустила в тот день, потому что был дождь. Но это потом выяснилось... А сначала – я просто выглянул из окна, и смотрю: она!.. Явно она, потому что кроме неё никто так, совсем в одиночку, не скачет по пло-

щадке. А на площадке – только она и мама. И она скачет... И я понял, что это она. И побыстрее схватил со стола свой парусник по имени Анна – а это я так решил сделать себе коллекцию парусников и первый из них – наречь Анна. Он был очень красивый парусник: из коробки из-под сыра. Ведь я недавно прочитал книжку про путешествия. И в ней очень много чего, прям про меня было написано. А я уже говорил, что люблю я такие книжки – где про меня. И вот, я там столько много всяких морских терминов не понимал, что просто сразу же решил, что я в них во всех теперь буду знаток, и даже куча кораблей у меня по комнате будет расставлено. Как у любого знатока. Вот, как ещё мама мне сможет отдать коробку какую-нибудь из-под другого сыра, или творога, так я себе ещё сразу и сделаю. И вот я побежал во двор. И во мне аж всё сердце забилося от счастья, пока я свой лифт ждал!.. И я бегом выбежал из лифта и побыстрее побежал к выходу из подъезда... Но когда открыл дверь, так сразу же притормозил и стал ме-еедленно подходить к площадке, даже и не глядя, как бы, на неё... А потом ещё остановился на пол пути и поднял высоко кораблик и посмотрел на него внимательно, оглядел его, и так и продолжал идти, глядя только на него аж до самой площадки. И даже немного споткнулся. И чуть не упал. Но всё равно продолжал смотреть только на свой кораблик, делая вид такой, что будто мне всё вокруг безразлично... А ведь на самом-то деле-то очень даже и различно. И иду я так дальше, а сам слышу – она у мамы спрашивает

уже: -"Мам, а можно я с этим мальчиком познакомлюсь?"

Ну, вот те раз, думаю!.. Я ей тут такой вид себя показываю... А она уже тут хочет еще с мальчиком каким-то знакомиться пред моими глазами!.. Предательница ещё!.. Ну, я вскипел внутренне, глаза поднимаю возмущенно так, а она тут уже – стоит, глазами мне хлопает и говорит:

– Мальчик, а тебя как зовут?..

Я думаю – ну и зачем я себе футболку новую надел?.. У ней, видимо, память на лица не очень... А я тут весь в одежду новую вырядился!.. Как фронт какой. Забыто всё, что было между нас!..

Ну, я уж думаю, ну надо ей хоть как-то намекнуть.

-А-аа!.. Это ты... – я сделал вид так, что будто её только увидел. – Ах, да... Помню, помню. Мы здесь с тобой играли... Как-то раз. – а она смотрит большими глазами своими... Ну я и дальше говорю, – Ты... Вроде... Аня, да?.. Если не ошибаюсь? А ты ещё на следующий день прийти обещала... А там был дождь... Дождь...

– А... – говорит. – А, это ты?.. Да, я... вспоминаю. А меня мама тогда погулять не вела, потому что дождик. И я не тут была. Да...

"Ну, фух! – думаю, – Теперь уж хоть помнит, что я такой существую!.. А то и не поймёшь ведь – как с ней и говорить-то теперь уже..."

Я говорю:

– Уж думал – больше тебя не увижу.

Так один дяденька в ещё одном мамином сериале однажды говорил. – Ты, кажется, помолодела с нашей последней встречи... – и это тоже из сериала.

Аня раскрыла глаза широко, широко. От удивления видно. Уж куда же ей ещё молодеть-то, действительно?! Она бы, наверное, ещё и не хотела бы, чтоб кто-то её считал младше – четырехлетней дошкольницей, там, несмышленной какой-то!.. Что я говорю?! Но это ничего – с такими глазами она ещё только красивее.

– Это у мамы новый крем такой... Она на лицо мне мазала, когда я обгорела... – поспешила оправдаться моя Аня.

– Ясно... – говорю... И сам замялся. – Понапридумывают сейчас всякой косметики... Что мать родная не узнает!..– и я сунул руки в карманы и начал пинать камушек очень серьезно. Как настоящий бизнесмен из сериала. А Аня, кажется, испугалась, что её теперь мама действительно не узнает, и поскорей обернулась к ней – а то вдруг она сейчас уйдёт куда-то с площадки, потому что её не узнает и отправится искать свою дочь?.. Но мама спокойненько сидела в телефоне на лавочке. И Аня слегка успокоилась. Она потупилась и стала срывать лепестки и листья с куста, а параллельно водить носком босоножки по гариевому покрытию. А потом я

стал ещё яростней пинать свой камушек, как будто я совсем отважный и безбашенный каланхоэ. А Аня стала смешивать все свои листики с песком и осматривать их как творческая личность – чуть со стороны и склоняя голову то на один бок, то на другой. А потом – она сгребла свой песок с листьями в большую такую горсть двумя руками и мне насыпала на край песочницы.

– Это, – говорит, – тебе. Супчик.

Я подумал, что это ещё ничего... Это ещё хорошо – не с брокколи.

Я говорю:

– Ням-ням. – ну а что же ещё говорят в таких случаях?.. – Вот, сме-таны бы ещё!..

И она посмотрела на меня так, понимающе, и положила на край песочницы ещё ма-ааленькую горсточку песка.

– Вот. – говорит, – Сметана.

А потом сорвала ещё один листик – большой и положила рядом. Туда же.

– А это, – говорит, – хлеб.

Я говорю:

– Спасибо. Это белый или чёрный?..

...Как будто я не вижу, что это – зелёный!..

– Это... – подумала Аня и говорит, – А это макарона такая.

Я думаю – ну ничего себе!.. Вот это женщина неожиданная!.. Непредсказуемая!.. И находчивая.

Я говорю:

– Понятно. Благодарю. Ням-ням. Всё... Съел. – и высыпал песок обратно в песочницу. – Очень вкусно, спасибо. Почти как чупа-чупс.

Она вся засветилась, говорит:

– Не за что!..

А сама, прям улыбается до невозможности!..

А я тут стал, усиленно корабль свой катать по волнам из песка. Сейчас, думаю её ещё обрадую. И так его ещё с почтением и важностью катаю. Как самый крейсер какой-то. Ну она и спрашивает у меня:

– А что это за... парусник?.. У тебя?

Я говорю:

– А это из моей коллекции... – я промолчал, конечно, что он у меня, в коллекции, пока что единственный только

и есть... – Флагман. Я его сам делал. Герцогиня Анна называется.

А Аня аж выпрямилась и на меня с восторгом посмотрела.

– Мы тоже, – говорит, – на кружке платочки шили. Сами.

Я говорю:

– Я это так... Своим умом. Без кружка. Так по вдохновению душевному.

– А это, – говорит, – познакомься... Мой Тайфи. – и показывает мне щенка своего – игрушку.

Я говорю:

– А почему Тайфи?..

– А это, просто – виноград такой есть. Сорт... Я в магазине видела. И, вот, назвала...

Я думаю – ну у неё и мышление!.. Образное!

– А сколько ему?.. – говорю. – Год?.. Или пятнадцать?

– Ему, – говорит, – два дня. Мне его мама разрешила, за то что я себя чуть-чуть хорошо повела.

– А-аа... – говорю, – А что он ест?..

– Косточку. И суп.

Я говорю:

– А обои не дерет?..

Она говорит:

– Нет. А он ещё маленький. Он не умеет – у него когти все не выросли.

– А, ну тогда хороший пёс.

А сам думаю – хорошо, что она так собак любит!.. Я наконец себе смогу тоже собаку завести, когда мы женимся, а она, тогда, за ней и убирать и ухаживать с радостью будет. А я её буду дрессировать. Собаку. И выступать с ней на разных конкурсах. И медали в дом приносить. Хорошая жизнь пойдёт!..

И мы о многом ещё с ней говорили, и играли, и та-аак было хорошо!.. Что я её даже ко мне пригласил на День рождения. И её мама записала мой телефон (а точнее – моей мамы), ведь я бы мог, конечно, сказать его только Ане... Но она, хоть конечно и невероятная, но вот, что память у ней слегка дырявая – так это да...

18 ноября.

Сегодня – чудесный день!

У меня День рождения! И все в мире сегодня рады. А особенно я. И мама с папой, конечно. А ещё, самое радостное – так то, что и Аня тоже рада. Наверное... Я так надеюсь. Ведь я позвал её на День рождения и теперь будет вообще не зря, что я родился. И она пришла. Вслед за Мишей и Степой и Вадей. И ещё маму с собой привела. А значит – у неё намерения серьёзные, раз хочет чтоб наши родители между собой познакомились. И наши мамы разговорились сразу, а значит – тоже нашли общий язык. И это здорово. Ведь конфликт между домами – он к хорошему не приведёт. А Аня... Аня даже подарила мне конструктор – такой, электронный... который можно собирать и потом включать и он там, что-то там будет делать. И даже в красивом пакете!.. А я пакеты люблю. Как ни что. (Как ни что, кроме Ани. И мамы с папой, конечно.) Люблю – ведь именно в них появляется между магазином и домом еда. А ещё в них можно носить пасочки и игрушки и сачок... Но это уже летом. А если ещё особенно большой пакет или сумка, так и можно в него залезть с головой и воображать, что ты в домике... Ну или – в колясочке. Ведь с возрастом людей лишают такой возможности – кататься в детской колясочке... Анин пакет, конечно не такой большой, чтобы в него можно было залезть с головой... Но мне уже достаточно и только посмотреть на него, чтобы почувствовать себя в домике. А то есть – тепло и прекрасно. Ведь это – Анин пакет!.. И Анин конструктор... И сердце

моё пламенное – тоже всё её... Но только она ещё не знает. Хотя догадывается... Теперь уже – да. Это я специально так сделал, чтобы она догадалась. Я решил, что пусть она сама всё прочтёт. Прочтёт мой дневник. Как бы так его случайно прочтёт... Но на самом деле – это всё будет мною отлично подстроено. Я сначала думал, что я как-нибудь так, на День рождения на своём запусе её в нашу комнату и там на самом видном месте положу свою тетрадь с дневником, а там – когда она её заметит и увидит, что на ней "Самое сокровенное" написано, так сразу же и бросится читать!.. Но я потом подумал, что если она возьмёт и будет читать сначала и про то, как я жука нашёл, и про костюм, в который не влез, и про торт, который не купили... и про прочую душевную боль... то это будет – просто пустая трата времени. Конечно, да, возможно, что она тогда ещё больше меня zalюбит, ведь пожалеет. Ведь женщины всегда любят жалеть и любить вперемешку. Но всё же, она может и не успеть дочитать до самого важного. И День рождения уже совсем и кончится, а она всё ещё будет чи-тать, и читать, и даже... даже торт не успеет попробовать. Хотя тогда мне, тоже ж, больше достанется... Но я отбросил эти мысли. Как сделал бы любой истинный бесповоротный каланхоэ. И я решил, что надо открыть мне свой дневник на самом самом важном месте, где больше всего моих переживаний про неё выразилось. И я открыл про то место, где мы с ней на площадке встретились. Уже во второй раз. И как во мне аж всё сердце от этого заби-

лось. И как я понял – что она и есть то самое. Я думаю – ей это будет очень полезно почитать. Чтобы ценила меня больше. А то этих женщин не поймешь – они то ценят, ценят, то потом как увидят твои оценки в дневнике, так сразу же и засадят за уроки и в футбол запретят выходить играть. Знаем мы. И я так и сделал. И мы с ней вместе зашли в комнату, потому что я попросил её посмотреть на моих трансформеров. Что я и не каждому-то делать разрешаю. А то еще затрут взглядом... И будут они у меня все потертые. Ну, я сначала ей помигал глазами того трансформера, что мне недавно купили... И показал пропеллер – его мне папа, как раз, к Дню рождения достал из-за шкафа. И Аня осталась довольна, хотя ей трансформеры и не очень-то понравились, судя по глазам. Но зато – если мы с ней когда-то надумаем разводиться, так ей хоть и отдавать их не придётся при разделе имущества. Впрочем, Аня не женщина а сказка.

И вот – я говорю: -"сейчас я, мол, схожу там маму проведать, а ты пока посмотри тут что хочешь. Но только к столу ни за что не подходи." А я же знаю, что подойдет. Она такая. Ей мама сколько не говорила – на горку по горке не лазь – так она только всё больше и больше лазает.

Ну, я и ушёл. И хожу, жду. Уже и туда ходил, от скуки, и сюда... Уже, думаю – ну, там можно было уже три тома написать – не то что бы, прочесть. И захожу. А она, конечно, к столу-то подошла, но стоит у стола и ручку мою с разными цветами в руках крутит!.. Вот, нашла чем заняться!..

Ну, я конечно, говорю сразу, как настоящий джентельмен:

– Нравится? Бери.

Она вся засветилась и спрашивает:

– Насовсем?..

Я говорю:

– Конечно насовсем. В четверг отдашь.

Ну, она тут вся ликовать, конечно, стала... Аж чуть даже прыгать по комнате вся не начала. Я это внутри у ней через глаза увидел. А сам я – побыстрее иду к столу... Уж, думаю, сейчас я ей свой этот дневник прямо перед глазами её бесстыжими листать буду!.. Чтоб всё, всё, всё прочла!.. И никакого футбола ей, пока не прочтёт!.. Чтоб знала, как... Чтоб не пренебрегала впредь вот так самым моим сокровенным!.. Чтоб... И тут она говорит:

– А это – чего у вас за книжка?..

Про мой дневник.

– А это... Это, – я говорю, – так... Неважно... Это читать строго запрещено. Всем. Вообще.

Она говорит:

– Я посмотрела... Какие-то буквы все непонятные в книжке... Кривые, чего-то... Там не понять ничего...

А сама так, странно мне улыбается – как будто, вроде бы, на самом деле и понять.

Я говорю:

– А это... Один малоизвестный писатель. Он так – всегда,

корявыми буквами всё пишет. И издаёт так... Это у него такой стиль. Авторский. Я в последнее время люблю таких авторов читать... С кривыми буквами. В них больше чувства как-то всегда есть.

– Это уж да... – говорит.

И она, наверное, всё-таки, прочла хоть что-нибудь, ведь я так понял потому что уже за столом она мне сказала вдруг:

– Я суп с брокколи даже есть не люблю. Не то что – готовить.

А это она, значит, прочла о том, что я её 'супу' порадовался – тому, что он хоть из песка, но не из брокколи.

И я спросил её:

– А поче...му ты мне реши...ла именно такой... конструктор подарить?..

А она ответила:

– Это потому, что он был, такой, по акции. На него была большая скидка и мама сказала, что можно брать... И даже и два – потому что ещё моему брату Павлику...

И это был честный ответ. Я люблю когда всё честно. И люблю когда что-нибудь по акции. Это – мы с Аней нашли в друг друге друг друга. Я тоже всегда в магазине смотрю – что по акции, и если маму тогда попросить, чтоб она тебе это

что-то купила, то больше гораздо шанс, что купит, чем если бы оно было без акции. И мне хотелось бы завести такую жену, как Аня – честную, и экономную. И мы бы с ней жили долго и счастливо, и честно и экономно, и вместе бы собирали конструктор... Ведь я ещё не знаю – смогу ли я в нём что собрать – он ведь весь с микросхемами и там проводки разные нужно подключать... И даже не уверен, что сможет папа...

И мы с ней вместе организуем обучающий курс по прыганию с горки-кораблика.

Сейчас это популярно – все делают какие-то курсы и учат на них чему-нибудь, и зарабатывают на них большие деньги. Очень большие. Явно. Ведь иначе и не делали бы. За маленькие деньги только в школе учителя чему-то учат. Это у от папы знаю. А мы им ещё и трепем нервы нещадно... И это – тоже от папы.

Ну, вообще, День рождения прошёл на отлично!

И мы договорились с Аней в четверг встретиться на нашем месте. На нашей площадке. Я думаю – мы туда, спустя много лет будем приводить своих внуков и им показывать – как мы там познакомились. И учить их прыгать с кораблика. Разумеется – за бесплатно. Ведь они уже тем себе оплатили наш курс, что они наши внуки.

И я даже стихи почти сочинил. Мне вдруг показалось, что так и должно быть у людей – всегда они, даже если и поже-

нились уже, должны с удовольствием бегать друг с другом по площадке, и прыгать с горки, и играть в песке... Ведь это идеальные отношения!.. А не только, ведь, погрязать в семейных и бытовых вопросах. И мне представилось так, что мы с Аней всегда будем молодые... И резвые. И умелые – будем с ней и кораблики все, и платочки прямо с легкостью делать... И я... И я сейчас запишу стихи, а то у меня-то в тетрадке уже и места почти не остаётся. И видимо – придётся мне заводить новую... Итак...

Мои стихи... Точнее – наши. Наши с Аней стихи:

Мы вырастаем. И стареем.
Нас не качают на качеле...

Нам говорят – качайся сам.
И чахнешь ты не по годам.

И мама уж смотреть не хочет,
Как ты играешься в песочек...

Но есть те люди, что с тобою,
С душой твоею молодою!..

Те, что визжат с тобой и скачут...
И пусть не будет же ж иначе!..

С тобой, моя ж ты половинка
Игратья буду я в машинки

И в жизни взрослой и большой.
После работы мы с тобой

Играть в трансформеры мы станем,
И рисовать в дворах мелками,

И газировки пить рекой!..
Давай всегда дружить с тобой!

Нам нужно так бы жить, супругам,
Чтоб каждый день гулять друг с другом -

И каждый, каждый, каждый день
Гонять из мыслей скукотень!..

Смеяться, бегать и играть!..
Но чур – не падать, не орать.

Хотя бы пару раз в неделе
Вертеться б нам на карусели!..

Нам нужно, каждому супругу

Уметь найти в кустах друг друга...

Догнать, осалить у качелей
Так жить гораздо веселее!..

...И на качелях каждый муж
Качаться должен сам-то уж

Совсем без мамы, что качает...
Ну или мама раскачивать пусть только начинает...

И в мире каждая жена
Играть в песке уметь должна,

Готовить суп и пирожок.
И с горки совершить прыжок!..

Чтоб нам с тобой на склоне дней
Не отставать от тех детей,

Что наши дети породят.
Пускай с восторгом поглядят

Как мы с тобой по горке скачем,
И как в песочнице рыбачим!..

Ведь твой отважный каланхоэ -
Он будет весь всегда с тобою!..

Так будь со мною же и ты!
Цветочек, дивной красоты!..

Я эти стихи покажу потом Ане. И пусть она обрадуется, что у неё есть такой, под рукой, поэт!.. Ведь, тоже – в хозяйстве это дело полезно. Не знаешь, когда и пригодится.

Ну, что же я могу сказать, мои дорогие потомки?.. Я чувствую так, всем своим сердцем, что написать мне осталось здесь совершенно немножечко. Ведь я уже почти перехожу на последнюю страницу... А пишу я, сколько мама мне не говорила – всё равно очень крупно. И кажется мне, что больше вы не услышите из этой тетради ни весточки от вашего любимого предка, ни привета!.. Возможно вы и не найдете другую тетрадь, которую я начну... И будете знать только об этой. Ведь я и сам среди своих вещей очень часто чего не найду. Поэтому вы не переживайте, дорогие потомки! Я не умер ещё и не болею. Я только замолкаю пока и хочу вам пожелать здоровья, успехов и ог-rrro-мной в жизни любви!.. Ведь ог-rrro-мая в жизни любовь и здоровье и радость, я считаю, должны быть у всех. А особенно у тех, кто так интересовался моей юной жизнью, что даже дочитал до конца!.. Вы – люди внимательные и чувствительные к чужим пробле-

мам... Ведь, когда мне было плохо, и я ощущал несправедливость, я смело записывал это всё вот сюда, и думал, что кто-нибудь из вас это потом прочтёт, и за меня, мысленно вступится. Ну или порадуетя за меня, если мне было хорошо. А это очень хорошо. И если мама только случайно как-нибудь не выкинет эту всю тетрадь, то вы будете читать и радоваться за то – какой я у вас был замечательный!.. Ведь это же не тот дневник, куда ставят оценки, и куда люди смотрят для разочарования в тебе, а тот, где ты сумел подчеркнуть свои лучшие стороны и черты и изложить свои передраги души, в которых каждый найдёт себе твою ценность. Ну, у меня, пока не получается что-то, совсем уж красиво всё описать, но думаю – вы поняли. Я попрошу маму купить мне ещё новую тетрадку, и буду писать вам дальше, чтобы вы все там не скучали. А лучше уж читали про что-то хорошее – про меня. Поэтому, дорогие потомки, хотя у меня и заканчивается место, но я не проща!..